

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В 1945 – 1961 гг.

Германская проблема, как известно, являлась одной из ключевых в послевоенном противостоянии Востока и Запада, получившем известность как «холодная война». Именно судьба Германии во многом определяла расстановку сил в Европе после окончания Второй мировой войны, этапы эволюции этого вопроса представляют собой важные вехи послевоенных международных отношений. Весьма интересно, в частности, рассмотрение взглядов на германскую проблему российской эмиграции, которая, являясь достаточно существенным фактором в «холодной войне», учитывавшемся и Востоком, и Западом, одновременно пристально всматривалась в происходящие в этом регионе процессы, понимая, что именно от их развития зависит ее собственная судьба.

Известный исследователь «холодной войны» А.М. Филитов в одной из своих работ справедливо выступил против концепции послевоенного противостояния как «прямолинейного, безостановочного и безальтернативного процесса», поскольку в его развитии были свои паузы и повороты, открывавшие возможность «остановить или взять его под контроль»¹. Вместе с тем, пытаясь понять, была ли неизбежна «холодная война», историки в целом дают на него положительный ответ. Безусловно, существовал определенный «веер альтернатив», но после исчезновения в 1945 г. основы для антигитлеровской коалиции вскрылись глубочайшие различия в идеологии и политических системах СССР и Запада. При этом, по замечанию М.М. Наринского, холодная война была «необходимой формой» их противостояния, т.к. к этому вел образ мышления и система представлений лидеров держав, только что вышедших из войны². К тому же указывает А.О. Чубарьян, после войны перед СССР закономерно встала проблема возврата к идее распространения социализма, а Запад, естественно, не собиравшись «отдавать Европу во власть коммунистам», что и сделало холодную войну неизбежной³.

Все эти проблемы проявились уже на Потсдамской конференции 1945 г. М.М. Наринский отмечает, что известные решения конференции о демилитаризации, денацификации и демократизации Германии прежде всего усиливали политические группы, ориентированные на СССР⁴. В ходе конференции СССР стремился провести такие решения, которые бы позволили ему полностью контролировать советскую зону оккупации и расширить свое влияние на ситуацию в Германии в целом. Весьма любопытные оценки позиции СССР в Потсдаме были сделаны известным «перебежчиком», бывшим офицером Советской военной администрации в

¹ Филитов А.М. СССР и германский вопрос. 1941-1949. Документы из Архива внешней политики МИД России // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 137.

² См.: Наринский М.М. Берлинский кризис 1948-1949 гг. Новые документы из российских архивов // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 16.

³ См.: Чубарьян А.О. Новая история «холодной войны» // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 16.

⁴ См.: Наринский М.М. Указ.соч. С. 17.

Германии Г.П. Климовым. Он отмечал, что в вопросах далекого будущего Германии Советский Союз проявлял «значительную уступчивость» и в основном соглашался с политикой западных союзников. Однако «тем больший интерес, активность и необычайное упорство» показала советская сторона в вопросах ближайшего будущего – в вопросе взимания с Германии репараций и в территориальных претензиях на восточных границах Германии. Объясняя такую тактику делегации СССР, Г.Климов писал: «Будущее – это ни к чему не обязывающие обещания. А пока ценою этих обещаний нужно постараться выторговать у Запада побольше репараций и уступок»⁵.

Характеристика советской политики в германском вопросе как экспансионистской встречала возражения у части историков и публицистов. Естественно, в первую очередь здесь необходимо отметить советскую историографию проблемы, исходившую из того, что страны Запада, несмотря на наличие определенных противоречий между ними, «сошлись в главном – в политике раскола Германии и превращения западной ее части в милитаристский и антисоветский плацдарм»⁶. Однако, необходимо указать, что и часть российских эмигрантов в издаваемой ими прессе стремилась подчеркнуть миролюбивый характер советской внешней политики и возлагала всю ответственность за обострение международной обстановки на США и другие страны Запада. Характерным примером такой позиции являются работы бывшей меньшевички О. И. Доманевской, в 1918 - 1919 гг. входившей в состав Московского комитета РСДРП, а в годы Второй мировой войны находившейся в рядах группы левых меньшевиков, во главе которых стоял Ф.И. Дан. Постепенно она полностью перешла на просоветские позиции, полагая, что естественным союзником левой социал-демократии (к которой она себя причисляла) являются коммунисты. О.И. Доманевская заявляла, что целью «англо-американского блока» является противодействие окончательной ликвидации фашизма в Германии и Европе в целом. Она доказывала, что в американской зоне оккупации Германии «до сих пор не разрушена та экономическая база, которую фашизм может использовать для восстановления своего военного могущества». Как и советские публицисты той эпохи, О.И. Доманевская стремилась сформировать у читателя мнение, что политический курс США в Германии определялся не задачами борьбы с нацизмом, а интересами американских промышленников, связанных с германской индустрией⁷. На эту же экономическую составляющую германской проблемы для США обращал внимание бывший член возглавлявшегося П.Н. Милюковым Республиканско-демократического объединения Б. И. Элькин, который в преддверии Московской конференции 1947 г. указывал в письме к Ф.И. Дану: «Немецкий вопрос прежде всего выдвигает соображения о безопасности, т.к. Германия, как бы она ни была разрушена, все же является самой большой потенциальной угрозой для всех тех стран, которые на себе испытали ужасы немецкой оккупации или наступления – эта общая угроза является тем, что в последнем счете должно объединить политику европейских стран – от СССР до Англии. США занимают особое положение. Германия им непосредственно не угрожает. Поэтому-то Америка, следуя своей обычной слепой политике, думает о Германии только как о рынке»⁸. Аналогичную позицию отстаивал после войны и левый соци-

⁵ Климов Г. Песнь победителя. Краснодар, 2002. С. 186.

⁶ Международные отношения после Второй мировой войны. М., 1962. Т. 1. С. 461.

⁷ См.: Доманевская О. Проблема Германии // Вестник. Торонто, 1946. 9 января.

⁸ International Institute of Social History (IISH). Fund of F.I.Dan. Folder 1.

ал-демократ Б.А. Скоморовский, в годы Гражданской войны занимавший пост секретаря ЦК РСДРП⁹. Ориентированные на СССР эмигранты за океаном объединялись в основном вокруг газет «Русский голос» (Нью-Йорк) и «Вестник» (Торонто).

Просоветские позиции занимала и часть представителей российской диаспоры во Франции. Они также стремились подчеркнуть, что именно СССР выступает за единую независимую Германию, а западные державы настаивают на ее расчленении. Члены существовавшего в первые послевоенные годы Союза советских патриотов во Франции заявляли: «Кому-то выгодно, вопреки очевидности, подкидывать Советскому Союзу империалистические тенденции. Советский Союз настаивает на принципе реального самоопределения народов... Он не может отказаться от основ своей общечеловеческой идеологии, построенной на принципах народоправства и мировой солидарности»¹⁰.

Однако подавляющее большинство эмигрантских печатных органов, бесспорно, выпускалось антикоммунистической частью российской диаспоры, которая совершенно иначе оценивала послевоенную политику СССР на международной арене. Эмигранты-антикоммунисты полагали, что вся вина за дестабилизацию обстановки в различных точках земного шара ложится на коммунистическое руководство СССР, и лишь его свержение способно обеспечить стабильность на планете. Заметим, что такой была позиция не только консервативных и либеральных группировок, но и тех эмигрантов, которые находились в левой части политического спектра. Характерно, например, мнение анархиста Л. Липоткина, заявлявшего, что опасность будет угрожать «свободному миру» до тех пор, пока существуют «коммунистические и всякие иные диктаторы, стремящиеся к тоталитарному порабощению человечества»¹¹. Естественно, что в первую очередь имелся в виду сталинский СССР.

Германская проблематика являлась одной из основных в эмигрантской прессе послевоенного периода. Анализ публикаций показывает, как постепенно накалялась обстановка вокруг Германии и в первую очередь Берлина. Уже в феврале 1946 г. либерально-демократическое «Новое русское слово», собравшее после войны в составе своих сотрудников весь цвет оставшейся к тому времени старой эмиграции, указывало на «колоссальное давление», которому подвергались социал-демократы в советской зоне оккупации Германии с целью вынудить их объединиться с коммунистами. Заявлялось о похищении некоторых лидеров СДПГ¹². Несколько позднее, однако тем же летом 1946 г., выходившая в Сан-Франциско «Русская жизнь» отмечала: «Дунай, Триест, Австрия и даже маленькая Албания служат камнями преткновения на пути к разрешению вопроса о Германии. Если раньше говорили, что дипломатические переговоры отсрочивают войну, то теперь все признают, что дипломатические переговоры являются прелюдией к войне»¹³.

Одной из наиболее интересных идей, поддерживаемых некоторыми эмигрантами, являлось в то время создание в Рурском бассейне «международной

⁹ См., напр.: Скоморовский Б. Первый блин комом // Вестник. 1946. 16 января.

¹⁰ Советский патриот. Париж, 1946. 4 января.

¹¹ Липоткин Л. Коминтерн и Коминформ // Дело труда. Пробуждение. Нью-Йорк, 1952. № 40. С. 22.

¹² См.: Новое русское слово. Нью-Йорк, 1946. 17 февраля.

¹³ Русская жизнь. Сан-Франциско, 1946. 23 августа.

области». Обосновывая необходимость реализации этого предложения, А.Гальперин писал: «Такое решение будет и более приемлемо для самой Германии, т.к. это не будет аннексией каким-нибудь определенным государством...И, может быть, приблизится момент, когда Германия проникнется сознанием, что и в ее жизненных интересах построенный на демократической основе единый мир»¹⁴.

Однако решению германского вопроса, по мнению антикоммунистической эмиграции, препятствовала политика СССР. Отмечалось, в частности, что именно поднятая советскими средствами массовой информации «разнузданная антиамериканская и антибританская кампания», их обвинения в адрес США в намерении разделить Германию привели к тому, что зашли в тупик переговоры на Московской конференции 1947 г.¹⁵

Апогеем послевоенного противостояния вокруг Германии, бесспорно, являлась советская блокада Берлина в 1948-1949 гг. Анализируя причины этого события, российские эмигранты-антикоммунисты, помимо стремления СССР сохранить экономический контроль над восточной зоной оккупации, указывали также на желание добиться реализации советского проекта единой коммунистической Германии. Кроме этого, необходимо было прекратить усилившееся весной 1948 г. бегство немцев из советской зоны во французскую¹⁶. Что же касается вопроса о позиции Запада в условиях Берлинского кризиса, то для российской антикоммунистической эмиграции ответ был очевиден: необходима твердость и бескомпромиссность в противодействии СССР. «Если мы не будем колебаться, то сможем держать свои две трети Берлина сколько угодно времени»¹⁷, - заявляли ее публицисты.

Именно в период Берлинского кризиса все более частыми стали заявления эмигрантских публицистов о готовящейся мировой войне. Следует отметить, что подобные настроения были характерны для всего первого послевоенного десятилетия. В восприятии некоторых эмигрантов Вторая мировая война не заканчивалась, а закономерно перешла в стадию «холодной войны». Интересно, что еще в августе 1946 г. известный политик дореволюционной России, бывший деятель Трудовой группы В.Б.Станкевич писал своему старому товарищу эсеру В.М.Зензинову: «Пожалуй, вопрос даже надо ставить не о том, будет ли война, а о том, когда она прекратится. В скрытой форме она уже в полном разгаре»¹⁸. Однако в период Берлинского кризиса ожидания войны стали обычным явлением для эмигрантской прессы. По замечанию деятелей Всеказачьего антибольшевистского зарубежного объединения (ВА-ЗО), возглавлявшегося бывшим Походным атаманом казачьих войск власовской армии полковником Вермахта И.Н.Кононовым, в 1948 г. «крылья» Третьей мировой войны уже «зловеще распространились над миром»¹⁹.

Именно в период наиболее резкого обострения ситуации вокруг Берлина в кругах российской эмиграции активно стал обсуждаться вопрос о том, каково же

¹⁴ Гальперин А. Германская проблема // Новое русское слово. 1946. 28 июля.

¹⁵ См.: Огни. Зальцбург, 1947. 3 декабря.

¹⁶ См.: Ленат В. Карты на стол // Новое русское слово. 1948. 25 июля.

¹⁷ Возрождение. Париж, 1949. № 1. С. 165.

¹⁸ IISH. Fund of V.B. Stankevici. Folder 1.

¹⁹ Сполох. Б.м., 1948. № 12. С. 1.

должно быть отношение зарубежных россиян к перспективе возможного перерастания противостояния в вооруженную форму. Та часть диаспоры, которая была примирительно настроена в отношении СССР или прямо его поддерживала, выступала решительно против раздававшихся призывов к войне. Такая известная деятельница старой политической эмиграции, как Е.Д.Кускова, например, восклицала: «Эти истерические крики – «К войне! Только нож, только война!» – нас, русских за рубежом, сильно дискредитируют»²⁰. Она полагала, что приглашение интервентов для освобождения России от коммунизма противоречит патриотической позиции, которую должна занимать эмиграция. Часть ориентированных на сотрудничество с СССР эмигрантов обосновывали свое неприятие будущей войны пацифистскими установками, хотя далеко не всегда, на наш взгляд, можно поверить в их искренность. Так, уже упоминавшийся Б.И.Элькин писал В.Б.Станкевичу: «Я – пацифист. Как и Вы, я считаю, что если будет еще одна война, то всему придет конец»²¹.

Думается, гораздо более глубоко обосновывал свою позицию в то время сам В.Б.Станкевич, который еще в конце Гражданской войны выступал против вооруженных методов борьбы против Советской власти. Теперь же в письме к А.Ф.Керенскому он писал: «Большевизм – это изнанка войны. Чем больше войны – тем больше будет большевиков. И я боюсь, что после Первой мировой войны завоевавшие Россию, после Второй - Европу, не завоюют ли они после Третьей – весь мир»²².

Однако непримиримая по отношению к коммунистическому режиму в СССР часть эмигрантов полагала, что необходимо использовать противоречия СССР с западными странами, в том числе в германском вопросе, для освобождения России от коммунистического режима. Поэтому в случае будущей войны антикоммунистическая эмиграция предполагала занять пораженческую позицию. Такова была, в частности, точка зрения А.И.Зака, заявлявшего, что «демократические армии понесут в Россию свободу и хлеб»²³.

Вместе с тем, ожиданиям мировой войны, еще раз усилившимся в начале 1950-х гг. в связи с началом войны в Корее, так и не суждено было сбыться. Постепенно эмиграции становилось ясно, что в условиях противоречий внутри «свободного мира», наличия атомного оружия и т.д. Запад не заинтересован в переходе конфликта с СССР из стадии «холодной войны» в состояние глобального вооруженного противоборства. Отмечая, что антикоммунистическая эмиграция «живет надеждой войны с большевизмом», деятели т.н. Комитета объединенных власовцев (КОВ) в 1953 г. указывали: «Запад никакой войны с СССР не желает. Германия не идет дальше восстановления границ 1939 г. Франция настроена примирительно, а США до сих пор еще не нашли извилистого пути между надолбленной им полумарксистской теорией «борьбы с марксизмом» и свободной практикой антикоммунизма»²⁴. То, что скорое начало новой мировой войны маловероятно, становилось очевидно и для рядовых эмигрантов, многие из которых, напротив, с тревогой ждали глобального конфликта. Старый меньшевик А.Альперин, напри-

²⁰ Кускова Е. Какая цель ? // Новое русское слово. 1949. 2 января.

²¹ IISH. Fund of V. B. Stankevic. Folder 2.

²² IISH. Fund of V.B. Stankevic. Folder 1.

²³ Зак А.И. О войне превентивной или оборонительной // Новое русское слово. 1949. 30 января.

²⁴ Добровolec. Мюнхен, 1953. № 11. С. 6.

мер, указывал в письме к Л.О. Дан в 1954 г.: «Начиная с 1947 г. в мире то более, то менее «тревожные дни». До сих пор они на личное мое настроение не действовали, и я всех тревожившихся уверял, что все «образуется». И теперь думаю, несмотря на большую обостренность положения, что «образуется»²⁵.

Однако окончание Берлинского кризиса 1948-1949 гг. не привело к решению германского вопроса. В начале 1950-х гг. мировая общественность обсуждала новые проекты, которые должны были так или иначе способствовать нормализации обстановки вокруг этой «горячей» точки. Так, внимание антикоммунистической эмиграции привлек известный план французского министра иностранных дел Р.Шумана, предусматривавший объединение горной и металлургической промышленности Германии и Франции. Указывая, что среди его источников были идеи французского экономиста Ж. Монне, деятели Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР), объединившего бывших бойцов власовской армии, отмечали, что реализация данного плана привела бы к исчезновению «оснований для политических опасений Франции в вопросе промышленного восстановления Западной Германии (Рейнско-Вестфальская область)». Одновременно отпала бы необходимость контроля за германской тяжелой промышленностью, прекратились бы споры о судьбе Саарской области²⁶. Безусловно, план Р. Шумана становился и важным шагом в процессе объединения Европы.

Вместе с тем, деятели антикоммунистической эмиграции по-прежнему отмечали, что СССР не заинтересован в конструктивных решениях в германском вопросе, а стремится лишь к подчинению Германии своему влиянию. В связи с этим С.Волин, например, указывал, что советскому правительству «совершенно безразлично, будет ли Германия расчленена или будет едина». Оно отстаивает «то один, то другой принцип – в зависимости от того, какой из них в данный момент скорее ведет к основной цели – советизации всей Германии»²⁷.

Что же касается характеристики антикоммунистической эмиграцией социалистического восточногерманского государства – ГДР, то она была выдержана в уничижительном тоне. Так, один из лидеров НТС А.Р. Трушнович отмечал, что для руководства СССР ГДР – это «Восточнонемецкая ССР», такая же часть советской империи, как, например, Таджикская ССР²⁸. «Опереточный» характер ГДР подчеркивали и публицисты «Нового русского слова», употребляя по отношению к СЕПГ термин «партия» исключительно в кавычках²⁹.

Особенностью Германии в послевоенной Европе было и то, что она представляла собой своеобразную «контактную зону». Именно здесь проходило общение представителей двух «миров» - капитализма и социализма, именно через этот коридор чаще всего уходили на Запад «перебежчики». Неслучайно именно в ФРГ находились редакции многих антикоммунистических средств массовой информации, в том числе издававшегося НТС знаменитого журнала «Посев». Значение Германии как «контактной зоны» стало особенно значительным в период восстания в ГДР в июне 1953 г.

²⁵ IISH. Fund of L.O.Dan. Folder 7.

²⁶ См.: Голос народа. Мюнхен, 1950. 31 декабря.

²⁷ Волин С. Наследники Гестапо // Грядущая Россия. Нью-Йорк, 1950. № 18. С. 2.

²⁸ См.: Трушнович А.Р. Берлин – окно в Россию // Грани. Франкфурт-на-Майне, 1951. № 12. С. 148.

²⁹ См., напр.: Новое русское слово. 1953. 17 января.

Крупнейшая антикоммунистическая организация, какой являлся НТС после войны, проявила наибольшую активность в период этих событий. Ее деятелями были выпущены листовки к бойцам Советской армии с призывом не стрелять в восставших немецких рабочих, что, по данным самих авторов воззваний, нашло отклик у некоторых солдат и офицеров³⁰. Одновременно следует отметить, что в ходе самого конфликта лидеры НТС проявляли значительный оптимизм в отношении перспектив его развития. Он основывался на том, что германское освободительное движение находилось, по их мнению, в более выгодном положении по сравнению с антикоммунистической оппозицией в других странах коммунистического лагеря, так как могло опереться на помощь ФРГ. Кроме этого, вследствие близости к ФРГ в Восточную Германию было проще осуществлять транспортировку литературы, выпускавшейся антикоммунистическими эмигрантскими издательствами³¹. Все это, однако, не помогло восставшим в 1953 г., которые были разгромлены.

Любопытен анализ причин берлинского восстания 1953 г., который был предпринят известным впоследствии историком, а в начале 1950-х гг. – лидером Северо-Кавказского антибольшевистского национального объединения (СКАНО) А. Авторхановым. Он отмечал, что пришедшая к власти после смерти И.В. Сталина группа допустила одну, но очень серьезную ошибку в германском вопросе: «в антисталинской Германии они решили играть на антисталинских струнах». Речь идет о заявлении В. Ульбрихта и О. Гротевоя, что руководство ГДР совершило в своей политике немало просчетов, а также о «торжественном выговоре этой политике Кремлем через его Верховного комиссара Семенова». Все это «доверчивые немцы приняли за чистую монету», что и привело к восстанию³².

Одним из ключевых дипломатических мероприятий постсталинского руководства СССР в 1954 г. стало участие в Берлинской конференции, обсуждавшей, в частности, советские инициативы в германском вопросе. По мнению правых кругов российской антикоммунистической эмиграции, конференция ознаменовала собой дипломатическое поражение Запада и очередную победу коммунистического режима СССР. Советскому руководству частично удалось расколоть блок «свободных стран», воспользовавшись более примирительной позицией Великобритании. Неслучайно и то, что, заявляя о лозунге «единой Германии», СССР выступал против западного проекта проведения в ней свободных выборов³³. Берлинская конференция 1954 г. привлекла внимание и социал-демократической эмиграции из России. Один из старейших и самых авторитетных меньшевиков, член ЦК Бунда с 1904 г. и ЦК РСДРП с 1906 г. Р. Абрамович решительно выступил против советской идеи о нейтральной Германии, поскольку он полагал, что она вела к уничтожению НАТО и всей системы обороны Западной Европы от возможного нападения СССР³⁴.

Если же обратиться к проблеме военной мощи ГДР, то интересно, что эмигранты обращали внимание на беспокойство ею со стороны партнеров восточногерманского государства по социалистическому лагерю. В освеще-

³⁰ См.: Сергеев И. Оружие – против тиранов ! // Посев. Франкфурт-на-Майне, 1958. № 8. С. 4.

³¹ См.: Мысль. Франкфурт-на-Майне, 1953. № 2. С. 1-2.

³² См.: Авторханов А. На путях к советской Бастилии // Свободный Кавказ. Мюнхен, 1953. № 6. С. 2.

³³ См.: Русская правда. Париж, 1954. 13 февраля.

³⁴ См.: Абрамович Р. Предметный урок // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1954. № 2. С. 26.

нии этой проблемы ярко проявилась склонность антикоммунистической эмиграции искать противоречия между сателлитами СССР. Так, деятели Российского национального объединения в Швеции, во главе которого стояли в основном бывшие офицеры Белой армии, указывали на требования Польши и ЧССР «гарантий против вооружения ГДР». Данное недовольство выступало, по мнению антикоммунистической эмиграции, еще одним доказательством антисоветских настроений в ГДР: поляки и чехи «не сомневаются, что и немцы тяготеют к свободному миру». Они «горестно восклицают: что будет с нами, если вооруженные силы Германии объединятся»³⁵.

Закрепленная решениями XX съезда КПСС советская политика «мирного сосуществования», положительно воспринятая Западом, вызвала негативную реакцию антикоммунистической эмиграции. Среди многочисленных попыток анализа ситуации в международных отношениях, предпринятых в эмигрантской прессе во второй половине 1950-х гг., выделяется, на наш взгляд, статья одного из идеологов НТС Р.Н. Редлиха. Он справедливо отмечал, что коммунисты «всегда ощущают себя в состоянии борьбы с некоммунистическим миром, и мир отличается для них от войны не стратегически, а тактически». Поэтому «мирное сосуществование» в представлении коммунистического руководства означало такое положение дел, при котором СССР может «вести политическую агрессию, не наталкиваясь при этом на сопротивление своих жертв». Фактически же за этим термином скрывается та же самая ситуация, которая на языке «свободного мира» обозначается как «холодная война», т.е. никаких принципиальных изменений в мировой политике после смерти И.В. Сталина гг. не произошло³⁶.

Однако руководители стран Запада восприняли ситуацию иначе и начали говорить о необходимости инициатив, направленных на ликвидацию послевоенного противостояния, в том числе и в германском вопросе. Это вызывало серьезное беспокойство у эмигрантов-антикоммунистов. Характерно, например, письмо деятеля власовского движения В.П. Марченко профессору К.Ф. Штеппе в 1956 г., где отмечалось, что Д. Эйзенхауэр и А. Иден «разваливают» НАТО. По словам В.П. Марченко, Д. Эйзенхауэр и его «закулисные изоляционисты» «сдают в архив оборону Европы, подводя Аденауэра». Все это вело к тому, что «в Германии – отчаяние»: «ведь они не могут сами обороняться против коммунистического наводнения»³⁷.

Такая позиция США и Великобритании, как указывали эмигранты, привела к тому, что внешняя политика ФРГ становилась более самостоятельной. Руководители Западной Германии стали стремительно избавляться от комплекса проигравшей страны, судьбу которой решают в ходе переговоров державы-победительницы. Как отмечал один из лидеров крайне правого Российского общенационального народно-государственного движения (РОНДД), ориентировавшегося как раз на связи с военными кругами ФРГ, В.К. Мосичкин (Кудинов) в 1956 г., правительство Западной Германии решило иметь дело с СССР «напрямую», «прямо ставя ему вопросы и

³⁵ Вестник РНОШ. Стокгольм, 1954. № 12. С. 6.

³⁶ См.: Редлих Р.Н. Доктрина революции в холодной войне // Грани. 1957. № 34-35. С. 337.

³⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10082. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.

ставя его перед необходимостью давать ответ». Естественно, сам В.К. Мосичкин полагал, что ФРГ должна быть хорошо вооружена и входить в НАТО³⁸.

Негативно было встречено эмиграцией предложение Н. С. Хрущева закончить оккупацию Западного Берлина, активно обсуждавшееся в 1959 г. Эмиграция отмечала, что само по себе предложение разумное, т.к. оккупация давно уже «пережила все исторические и легальные сроки». Но это — лишь «частица правды», а «большая ложь» Н.С.Хрущева заключалась в том, что фактически речь шла о подчинении западного Берлина («бельма на коммунистическом глазу») «через посредство товарищей Ульбрихта и Гротевоя» Советскому Союзу. Таково было, в частности, мнение старого эсера М.В. Вишняка³⁹. При этом в кругах правой эмиграции уже в 1959 г. высказывалось мнение, что ситуация вокруг Западного Берлина ведет к тому, что «встает реально вопрос о новой мировой войне». Это суждение основывалось на информации о начале переброски советских дивизий из Украины в Венгрию и Румынию⁴⁰.

Новая волна военных ожиданий продолжала нарастать по мере развития нового берлинского кризиса в 1960-1961 гг. В декабре 1960 г. вдова Ф.И.Дана Л.О.Дан писала Н.Рубинштейн: «Хорошо, если обойдемся без войны, на что я все-таки надеюсь, но прежней уверенности нет»⁴¹. А в июле 1961 г. «Новое русское слово» в одной из передовиц указывало, что через Берлин «проходит теперь граница между миром и войной»⁴².

По мере развития кризиса публикации эмигрантской прессы становились все более эмоциональными. Так, в октябре 1961 г. заявлялось: «То, чем было для Гитлера закрепление за ним Судетов, означает для Хрущева официальное включение в его империю Восточной Германии»⁴³.

Постройка Берлинской стены, ставшая символом раздела Германии и Европы на два лагеря, вызвала разочарование у антикоммунистической эмиграции. Р. Абрамович, например, воспринял итоги кризиса как победу СССР, которому удалось добиться «фактического признания окончательного раздела Германии». Он недоумевал, почему Запад «пассивно» встретил строительство стены — то ли это было растерянностью, то ли «сознательным планом»⁴⁴.

Строительство Берлинской стены в 1961 г. означало окончание важного этапа в решении германского вопроса. Проблема фактически была «загнана вглубь», что позволяло избежать военного конфликта между двумя сверхдержавами, последствия которого были непредсказуемыми. Н.С. Хрущев и Дж. Кеннеди зафиксировали «статус-кво», тем самым отложив решение проблемы до тех времен, когда их преемники будут действовать в иной геополитической ситуации. Только тогда, когда возникли предпосылки для окончания «холодной войны», могли сложиться условия для кардинального решения ее важнейшего элемента — германского вопроса.

³⁸ См.: Кудинов В. Бонн проявляет инициативу // Голос России. Мюнхен, 1956. 22 апреля.

³⁹ См.: Вишняк М. Конфликт Советского Союза с Ираном // Русская мысль. Париж, 1959. 26 марта.

⁴⁰ См.: Ежов Е. Рискнет ли Хрущев войной? // Русское воскресение. Париж, 1959. 14 марта.

⁴¹ IISH. Fund of N. Rubinstein. Folder 3.

⁴² Новое русское слово. 1961. 27 июля.

⁴³ Новое русское слово. 1961. 5 октября.

⁴⁴ Абрамович Р. В поисках компромисса // Социалистический вестник. 1961. № 8-9. С. 150; Он же. Бег на месте // Социалистический вестник. 1961. № 10-11. С. 173.